

ОБРАЗ АВИАТОРА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА

Шеина Оксана Геннадьевна (Курск, Россия)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности образа авиатора в текстах поэта-символиста А.А. Блока, эгофутуриста И.В. Северянина, ученого Н.А. Морозова.

Ключевые слова: авиационные образы, гибель летчика, И.В. Северянин.

Abstract: an article is devoted to the main features of the image of aviator in poems by symbolist A. Blok, ego-futurist I. Severyanin, scientist N. Morozov.

Keywords: aviation images, aviator's death, I. Severyanin.

Начало XX века стало эпохой технического воплощения устойчивой поэтической метафоры: полет человека стал возможен не только во сне и в мечтах, но и наяву. Первые полеты аэропланов вызывали широкий общественный резонанс, а сама авиация ознаменовывала новый этап в эволюции человечества: «Только слепой не может не видеть, что воздухоплавание и авиация кладут теперь резкую черту между прошлой и будущей жизнью человечества, и что окончившийся период бескрылого существования будет казаться грядущим поколениям таким же печальным, как и бабочке период ее жизни гусеницей» [Морозов 1924: 9]. Однако полет еще не стал привычным и обыденным и выглядел подобным чуду, а управляющий летательным аппаратом пилот – богу. Не всякий писатель мог похвастаться опытом управления аэропланом, тем заманчивее было отождествление себя с пилотом, человеком, сумевшем подняться над землей в прямом, а не метафорическом смысле. Как некогда Ф. Гойя уподоблял себя тореро – человеку, балансирующему на гран жизни и смерти, так поэты начала века примеряли на себя образ авиатора, испытывающего не всем ведомое ощущение свободы и могущества и в то же время рискующего собой. Возможность трагического исхода полета окружала образ авиатора неповторимым ореолом восхищения.

Гибель летчика Л.М. Мацевича на Всероссийском празднике воздухоплавания в 1910 г. – первая реальная авиакатастрофа в Российской империи. Падение пилота, случившееся на глазах зрителей, нашло отражение в воспоминаниях очевидцев (например, в «Записках старого петербуржца» Л.В. Успенского), а также в стихотворениях «Авиатор» (1910–1912) А.А. Блока, «Памяти Мацевича» (1910) И.В. Северянина. Сопоставим поэтические тексты, посвященные гибели летчика, со стихотворением ученого и писателя Н.А. Морозова «Памяти Л.М. Мацевича» (1910). Произведения, объединенные одной темой, имеют разный арсенал художественных средств и резко отличающиеся концовки:

Иль отравил твой мозг несчастный

Грядущих войн ужасный вид:

Ночной летун, во мгле ненастной

Земле несущий динамит?[Блок 1960: 33]

И с этой вышины, бесстрашный и свободный,

Грядущих лучших дней ты видел красоту.

Ты стал для нас теперь звездой путеводной,

И будем мы, как ты, стремиться в высоту. [Морозов 1924: 197]

Столяр, сюда! Рубанок – касса ты

Для всех порфир...

В эфир, кто в смерти ищет красоты, –

В эфир! [Северянин 1995: 561]

Картины будущего, представленные глазами погибшего летчика, у Блока и Морозова диаметрально противоположны: трагическое мировосприятие поэта-символиста резко отличается от оптимистичной веры в будущее приверженца точных наук, иллюстрируя противостояние интуиции и разума. Несмотря на это, ощущения пилотов в разных текстах

переданы с помощью синонимичных причастий:
«придавленный», «приниженный».

А здесь, в колеблющемся зное,

В курящейся над лугом мгле,

Ангары, люди, все земное –

Как бы придавлено к земле... [Блок 1960: 33]

А для тебя вверху приниженной и странной

Казалась вся земля в далекой глубине... [Морозов 1924: 197]

Упоение высотой наиболее акцентировано в тексте Северянина, оно характеризует одну из ключевых тенденций поэзии эгофутуризма – чувство собственного всемогущества. Именно оно выступает на первый план, не оставляя шансов философским рассуждениям о грядущих веках. Текст выглядит и звучит эпатажно на фоне 4-стопного ямба Блока и 6-стопного ямба Морозова. Каждая из четырех строфу Северянина представляет собой сочетание 5-стопного ямба в первой и третьей строках с 2-стопным во второй и 1-стопным в четвертой. Соразмерные между собой нечетные строки и укороченные четные не только создают ощутимые перебои ритма, но и усиливают акценты на ключевых словах: «на миг», «летун», «не все», «в эфир». Трагический смысл текста заставляет автора отказаться от сложносоставных окказионализмов на лексическом уровне, стилистические и звуковые средства изобразительности на фоне прочих, используемых Северяниным в других стихотворениях, также весьма сдержанны. К наиболее ярким фонетическим особенностям относятся: повтор слогов («в дурман гитан иль на Квантун»), составная рифма «касса ты» – «красоты», довольно редкая рифма «порфир» – «эфир». Неожиданные рифмы усиливают ощущение резких смысловых скачков: например, в оксюморе «"Гном" стал велик», основанном на названии авиационного двигателя, выпускаемого французской фирмой «SocietedesMoteursGnome». Контраст с возвышенными

репликами создают фразы «ни то, ни се», «грохнулся», характеризующие трагическое окончание полета и уничтоженное ощущение всемогущества:

«Куда хочу – везде: в дурман гитан,

Иль на Квантун...

Я все могу!» – подумал капитан –

Летун.

«Не всё», – шепнулось кем-то, и на твердь. –

Ни то, ни се –

Он грохнулся. То прошептала смерть:

«Не всё...» [Северянин 1995: 561]

Формула «кто в смерти ищет красоты – в эфир» прочно связана с тематикой полета, наслаждение красотой и собственным «все могу!» прочно переплетено с потенциальной гибелью.

Однако реальная катастрофа не смогла переломить всенародные и художественные представления о подобном божествулечике. В стихотворении Северянина «Авиатор» пилот вновь предстает всемогущим и вызывающим зависть:

Победен мой аэроплан,

Полет на нем победоносен,

Смотри, оставшийся у сосен,

Завидуй мне, похить мой план! [Северянин 1995: 309]

Призыв «Куда хочу – туда лечу» характеризует идеальное представление об авиаторе, исключая компонент риска:

Куда хочу – туда лечу!

Лечу – как над Байкалом буря.

Лечу, с орлами каламбура, –

Их ударяя по плечу. [Северянин 1995: 309]

Авиационные образы часто характеризуются посредством метафор, связанных с птицами или насекомыми. Орел в фольклорных и поэтических текстах – устойчивый символ силы, свободы и независимости, вызывающий восхищение. В данном случае, вольное и несколько панибратское отношение к орлам подчеркивает полную свободу авиатора, его уверенность в себе.

Таким образом, несмотря на разницу в способах репрезентации одного и того же события и образа в разных художественных дискурсах, основные атрибуты, характеризующие авиатора, остаются подобными друг другу: это человек, смотрящий на мир по-другому, радиус его обзора гораздо больше за счет доступной ему высоты, а значит, он способен предвидеть будущее. Авиатор превращается в человека, наделенного неким уникальным знанием, что в художественных текстах выражается в прямом отождествлении поэта и летчика и появлении образа всемогущего «песнопевца-авиатора», наиболее четко представленного в поэзии эгофутуризма.

Литература:

1. Блок А.А. Собрание сочинений. В 8-ми т. Т. 3. – М.-Л., 1960. – С. 33.
2. Морозов Н.А. Среди облаков. – Л., 1924. – 320 с.
3. Северянин И.В. Сочинения. В 5-ти т. Т. 1.– СПб.,1995. – 592 с.